
ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ БЛАНКЕТНОЙ НОРМЫ УК РФ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2011 г. Николай Васильевич Мельников¹

Краткая аннотация: рассматривается вопрос, связанный с методами, способами выявления определенности либо неопределенности бланкетных норм Уголовного кодекса РФ, раскрывается содержание бланкетной нормы уголовного закона. Анализируются решения Конституционного Суда РФ, приводятся его правовые позиции, в том числе о нарушении принципа формальной определенности при изложении оспоренных бланкетных норм УК РФ, что привело к признанию их не соответствующими Конституции РФ. Даются предложения законодателю и органам исполнительной власти по конструированию бланкетных норм УК РФ и исполняющего законодательства.

Annotation: this work is dedicated to problems related to the ways of establishing certainty or uncertainty of the referential norms of the Criminal Code of Russia and also to defining the concept of the referential norm of criminal legislation. The author analyzes certain decisions of the Constitutional Court of Russia and examines some of this Court's legal positions including those concerning the impugned referential norms of the Criminal Code of Russia violating the principle of formal certainty and, accordingly, found to be unconstitutional. He also formulates the ideas related to possible methods to compose the referential norms of the Criminal Code of Russia as well as the corresponding legal provisions to be taken into account by legislative and executive authorities.

Ключевые слова: бланкетная норма уголовного закона, определенность/неопределенность нормы, конституция, гражданин, конституционный суд, постановление, определение, права и свободы, уголовная ответственность, уголовное судопроизводство.

Key words: referential norm of criminal legislation, certainty/uncertainty of the norm, constitution, citizen, constitutional court, judgment, decision, rights and liberties, criminal liability, criminal proceedings.

Бланкетные нормы, довольно часто используемые в российском праве, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования, представляют собой одну из наиболее трудных для понимания форм изложения требований закона. Поэтому анализ вопросов, связанных с методами, способами выявления определенности либо неопределенности бланкетных норм Уголовного кодекса Российской Федерации, приобретает важное теоретическое значение.

Если обратиться к этимологии понятия “бланкетность”, то, по определению В. Даля, “бланк” – лист, приготовленный для деловой бумаги, с печатным заголовком². Бланк – это лист с частично напечатанным текстом, в остальной части подлежащий заполнению (от франц. Blanc – белый)³. Появление самого понятия “бланкетная уголовно-правовая норма” связывают с немецким кри-

миналистом К. Биндингом, который считал, что такие нормы “имеют вид бланка, в котором санкция соответствует подписи, а диспозиция – тому пробелу, в котором компетентная власть должна вписать соответствующий приказ или запрет”⁴.

Первоначальное представление о “бланкетности”, характеризующей диспозицию уголовной нормы, со временем претерпело значительную трансформацию. В современной науке уголовного права бланкетную форму связывают как с диспозицией, так и с составом преступления, а также с самой нормой. Такой подход особого возражения не вызывает, хотя следует заметить, что речь идет об условном наименовании способов проявления указанных понятий. Можно было бы согласиться с мнением, что в идеале норма уголовного права и состав преступления не должны быть бланкетными (неполными). В противном случае это грубейшим образом нарушает принцип законности⁵.

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ (E-mail: mel@ksrf.ru).

² См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1998. С. 235.

³ См.: Первый толковый БЭС. СПб., М., 2006. С. 213.

⁴ Цит по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 80.

⁵ См.: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 9.

Но теоретический идеал сегодня практически не достижим.

В юридической литературе все чаще поднимается вопрос о правомерности существования бланкетных норм в Уголовном кодексе, и все большую остроту приобретает дискуссия о том, являются ли нормативно-правовые акты, к которым отсылают такие нормы, источниками уголовного права.

Необходимость признания нормативных актов иных отраслей права источниками уголовного права возникает, в частности, в случае, когда при конструировании статьи уголовного закона используются лишь отдельные термины другой отраслевой принадлежности (бланкетные признаки). Следует учитывать мнение, что заимствование уголовным правом терминов иной отраслевой принадлежности предполагает сохранение их содержания (точнее, целевой направленности. – *Прим. авт.*), поскольку нормативные акты иных отраслей права, раскрывающие содержание бланкетных признаков, выступают источниками соответствующих уголовно-правовых норм⁶.

Именно поэтому многие ученые считают существование бланкетных норм незаконным. Так, например, Л.Д. Гаухман утверждает: «В УК РФ отсутствует норма, регламентирующая допустимость бланкетных норм и, соответственно, обусловленность уголовной ответственности нарушением других – не уголовных законов и (или) иных нормативных актов: наличие бланкетных норм в Уголовном кодексе РФ и их применение незаконны»⁷.

По мнению Ю.В. Коняшкиной, данное утверждение неверно. Статья 8 УК РФ действительно ограничивает основание уголовной ответственности совершением деяний, признаки составов которых предусмотрены непосредственно в самом УК. Норма с бланкетной диспозицией содержит все без исключения признаки состава того или иного преступления. При этом содержания, описания конкретного признака непосредственно в статье УК не дано, а его детализация в иных нормативно-правовых актах не образует новых признаков состава. Таким образом, наличие бланкетных диспозиций в тексте Уголовного кодекса

не противоречит его принципиальным положениям. Существование норм с бланкетными диспозициями неизбежно. Это оправдывается системным характером права, все отрасли и нормы которого взаимосвязаны⁸.

В науке уголовного права высказано также мнение о необходимости дополнения УК РФ обязательным приложением, включающим исчерпывающий перечень нормативных правовых актов, положения которых составляют бланкетное содержание уголовно-правовых норм. Возможно, это задача будущего, но в настоящее время при имеющейся противоречивости нормативно-правовых актов, низком уровне правовой культуры и законодательной техники указанный подход не применим. Создание такого приложения породит, как справедливо отмечается в печати, еще большее количество проблем, поскольку данный перечень будет нуждаться в постоянном изменении⁹.

В юридической литературе отмечается, что *под бланкетными понимаются нормы Особенной части УК РФ, в диспозициях которых не определяются признаки состава преступления или определяются не все его признаки, а отсутствующие описываются в других – не уголовных законах и (или) иных нормативных правовых актах*¹⁰. Таким образом, почти всегда идет речь о связанности содержания статей УК РФ с бланкетными диспозициями правовых норм других отраслей права, т.е. проблемой является не сама по себе неопределенность составов преступлений с бланкетными признаками, а перенос функции определения содержания таких признаков составов преступлений в другую отрасль права¹¹.

Приводимые в современной научной и учебной юридической литературе определения бланкетной нормы выделяют в качестве общего признака явную связь бланкетной уголовно-правовой нормы с другими нормативными правовыми актами иных отраслей законодательства. Различие в определениях касается характеристики описания признаков состава преступления, для уяснения содержания которых необходимо обращаться к нормативным правовым актам другой отраслевой принадлежности. В целом такая трактовка не вызывает возражения, поскольку, как отмеча-

⁶ См.: Коняшин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 122–124.

⁷ Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: Бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юрфаке МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М., 2002. С. 48, 49.

⁸ См.: Коняшкина Ю.В. Проблемы существования бланкетных норм в Уголовном кодексе Российской Федерации // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 549.

⁹ См.: там же. С. 548–550.

¹⁰ См.: Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 48.

¹¹ См.: Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 9, 10.

ет А.В. Сельский, бланкетная диспозиция – это характерный для статей Особенной части уголовного закона способ формулирования запрета, когда для раскрытия его характера, содержания или отдельных признаков необходимо обратиться к нормативным правовым актам иных отраслей права¹².

“Бланкетной, – по мнению И.В. Шишко, – следует считать диспозицию, в которой все признаки (или часть) состава преступления описаны как обобщающие признаки-понятия, если в них непосредственно заключена связь уголовного права с иными отраслями, к которым и следует обращаться для уяснения указанных признаков”¹³.

И.А. Михайлова полагает, что не имеет значения, как описаны признаки состава преступления, главное – их смысл неясен без обращения не к словарям или комментариям, а к законам или другим нормативным правовым актам иных отраслей права. При этом бланкетной может быть не только диспозиция нормы, но и любой из ее структурных элементов: “Бланкетной является норма уголовного закона, в которой один или несколько ее структурных элементов содержат признаки (признак), не уяснимые без обращения к законам или другим нормативным правовым актам иных отраслей права”¹⁴.

Основным признаком бланкетной нормы, по мнению Н.С. Боровикова, является то, что она не может быть применена, реализована сама по себе, т.е. бланкетная норма не есть самостоятельный регулятор общественных отношений и может выполнить свою роль социального регулятора только совместно с другой нормой¹⁵.

Не останавливаясь далее на дискуссионных моментах, в качестве предварительного обобщения приведенных положений можно сделать следующий вывод: если при анализе текста нормы уголовного закона в целях раскрытия (уяснения) ее содержания, характера деяния или отдельных его признаков необходимо обращение к нормативным актам иной отраслевой принадлежности

(восполняющего законодательства), то есть все основания считать норму бланкетной.

Сущность толкования бланкетной нормы заключается в раскрытии и разъяснении содержащегося в ней правового предписания (точнее – приданного ему законодателем смысла). В процессе правоприменения бланкетной нормы требуется анализ межотраслевых взаимосвязей, в том числе определение того, на защиту каких конкретных позитивных отношений направлено действие уголовно-правового запрета. При этом сама норма служит критерием выбора нормативно-правового акта иной отраслевой принадлежности, необходимого для оценки деяний виновного лица, а содержание понятий и терминов уголовно-правовой нормы должно совпадать с содержанием соответствующих понятий и терминов иной отраслевой принадлежности, т.е. толкование должно быть буквальным.

Законная и обоснованная квалификация преступления опирается на анализ деяния виновного и сопоставление его с предписаниями позитивного законодательства в целом. При бланкетном характере нормы должна существовать и найти отражение межотраслевая связь бланкетной диспозиции Особенной части УК РФ с не уголовным нормативным правовым актом. Нормы иной отраслевой принадлежности призваны наполнить признаки, описанные в уголовно-правовом запрете, информацией, которая позволит говорить о наличии или отсутствии в действиях лица состава преступления.

Не претендуя на всемерный охват проблемы, остановимся на конституционно-правовых аспектах применения бланкетной формы регулирования отношений в сфере уголовного права, обнаруживающих уязвимость ряда бланкетных диспозиций.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно отмечал, касаясь, в частности, проблемы бланкетных норм, что оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться, исходя не только из самого его текста и используемых в нем формулировок, но и из его места в системе нормативных предписаний¹⁶. Сам же по себе бланкетный характер нормы не может свидетельствовать о ее неконституционности, поскольку регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в

¹² См.: Сельский А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.

¹³ Шишко И.В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности: Дисс. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 10.

¹⁴ Михайлова И.А. Понятие бланкетных норм уголовного закона Российской Федерации и проблемы их применения // Росс. следователь. 2008. № 17. С. 21.

¹⁵ См.: Боровиков Н.С. Отсылочные и бланкетные уголовно-правовые нормы в системе связей между нормативными правовыми актами // “Черные дыры” в рос. законодательстве. 2008. № 4. С. 118.

¹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2431.

том же нормативном правовом акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение¹⁷.

Согласно ст. 71 Конституции РФ регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (п. “в”), а также уголовное законодательство (п. “о”) находятся в ведении Российской Федерации. Реализуя свои полномочия в этой сфере, федеральный законодатель самостоятельно определяет содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливает преступность общественно опасных деяний, их наказуемость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления.

При этом, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения¹⁸. Соответственно, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться, исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) вреду, причиненному в результате преступного деяния. Важно обеспечить соразмерность уголовного наказания совершенному преступлению и соблюсти баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств.

Именно поэтому УК РФ предусматривается, что меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствующими характеру и степени опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ст. 6).

Конституционный Суд отметил, что принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотвор-

ческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, ограничивая его от иных противоправных и тем более от законных деяний¹⁹. Эти правовые позиции в полной мере применимы и при оценке определенности бланкетных норм Особенной части УК РФ.

В Конституционный Суд РФ поступают жалобы по поводу проверки соответствия Конституции РФ бланкетных норм Особенной части Уголовного кодекса РФ. Мы разделяем мнение В.И. Плоховой о том, что обращения граждан в Конституционный Суд с указанием на несоответствие конкретных норм уголовного закона требованиям, предъявляемым к ним международным правом и Конституцией РФ, оказывают положительное влияние на совершенствование уголовного закона и (или) на практику его толкования²⁰.

Действительно, решения Конституционного Суда нередко являются для законодателя основанием к изменению уголовного закона, приведению его в соответствие с современными реалиями. Достаточно наглядно иллюстрируют сказанное позиции Конституционного Суда по делам об уголовной ответственности за контрабанду и оборот наркотиков.

Так, рассматривая вопрос по жалобе гражданина М. об уголовной ответственности по ст. 228 УК РФ, связанной с крупным или особо крупным размером не самого наркотического вещества, а всей смеси, Конституционный Суд отметил следующее. Возложив на Правительство РФ обязанность утверждать крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей данной статьи, а также ст. 228, 228.1 и 229 УК РФ (п. 2 примечания к ст. 228 УК РФ) и, соответственно, Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (ст. 2 Федерального закона

¹⁷ См.: Определения Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. и от 2 ноября 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 9. Ст. 1145.

¹⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

¹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

²⁰ См.: Плохова В.И. Недавние решения Конституционного Суда РФ и совершенствование уголовного закона // “Черные дыры” в рос. законодательстве. 2008. № 5. С. 127.

“О наркотических средствах и психотропных веществах”), федеральный законодатель не предоставил ему тем самым полномочия осуществлять нормативное регулирование по вопросу установления оснований уголовной ответственности. В Перечне лишь называются подлежащие контролю наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, которые распределены по четырем спискам в зависимости от применяемых мер контроля (запрещенные; ограниченные в обороте; те, в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля при их обращении, и прекурсоры, оборот которых ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля), а потому его нельзя рассматривать как нормативный правовой акт, расширяющий основания привлечения к уголовной ответственности либо нарушающий принцип уголовно-правового регулирования только законом. В этом документе не устанавливаются преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, которые определяются только УК РФ, в частности его ст. 228.

Включив в список I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, наряду с собственно наркотическими средствами все смеси, в состав которых входят указанные в данном списке наркотические средства независимо от их количества, Правительство РФ не вышло за пределы полномочий, предоставленных ему федеральным законодателем, поэтому в принятии жалобы гражданину М. было отказано (Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г.). Подобное решение об отказе в принятии жалобы гражданина Ч. было принято Определением Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г.

Законодателем была принята во внимание позиция Конституционного Суда, изложенная в названных выше документах, о допустимости утверждения постановлением Правительства РФ списков видов, свойств и признаков наркотических и психотропных веществ для целей определения предмета преступления ст. 228, 228.1 и 229 УК РФ.

Аналогичный подход использован и при установлении крупного и особо крупного размеров сильнодействующих или ядовитых веществ для целей ст. 234 УК РФ (примечание к данной статье введено Федеральным законом РФ от 4 апреля 2007 г. № 252-ФЗ). Во исполнение уголовно-правового запрета, закрепленного в ст. 234 УК РФ, для конкретизации видов и раз-

меров сильнодействующих и ядовитых веществ было принято Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г., которым и был утвержден соответствующий перечень, а также необходимые качественные и количественные характеристики.

Рассмотрим другой важный аспект проблемы определенности бланкетной нормы Особенной части УК РФ. Каждая отрасль права, обладая относительной самостоятельностью, взаимодействует с другими отраслями права, что неизбежно влечет сходство возникающих в их сфере правовых явлений, а вместе с тем и обозначающих их понятий. Автор разделяет точку зрения Е.В. Ильюка: в идеале термины должны иметь одинаковое значение во всей системе законодательства, и для определения одного и того же явления следует использовать один термин, а не несколько²¹.

Серьезная проблема истолкования бланкетной нормы выявилась при рассмотрении Конституционным Судом РФ дела о проверке конституционности ч. 3 ст. 138 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное производство, сбыт или приобретение специальных технических средств (далее – СТС), предназначенных для негласного получения информации (далее – НПИ). Конституционный Суд в своем Постановлении от 31 марта 2011 г.²² дал ограничительное истолкование указанной нормы и признал ее положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку предполагается (по конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования), что уголовная ответственность наступает за производство, сбыт или приобретение таких СТС, которые предназначены (разработаны, приспособлены, запрограммированы) для негласного (т.е. тайного, неочевидного, скрытого) получения информации, затрагивающей права личности, гарантированные ст. 23, 24 (ч. 1) и 25 Конституции РФ, виды, свойства и признаки которых определены соответствующими федеральными законами и изданными на их основе нормативными правовыми актами Правительства РФ и свободный оборот которых не разрешен, если указанные действия совершаются без соответствующей лицензии и не для нужд органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

²¹ См.: *Ильюк Е.В.* К вопросу о приемах законодательной техники в уголовном законодательстве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 31.

²² См.: *Росс. газ.* 2011. № 78. 13 апр.

Приняв такое решение, Конституционный Суд выполнил возложенную на него законом обязанность по проверке жалоб заявителей на нарушение конституционных прав и свобод граждан. Однако, по мнению автора, ряд проблем, связанных с рассогласованностью понятий восполняющего законодательства, остался неразрешенным.

Так, в Федеральном законе “Об оперативно-розыскной деятельности” и в Постановлении Правительства РФ от 1 июля 1996 г. используется понятие СТС, предназначенных для НПИ в целях проведения оперативно-розыскной деятельности. Другие нормативные акты (в частности, Постановление Правительства РФ от 10 марта 2000 г., Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 21 ноября 2009 г. и др.) употребляют данные понятия для регулирования ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из нее СТС, предназначенных для НПИ, т.е. для целей внешнеэкономической деятельности, пересечения границы Российской Федерации. Ряд нормативных актов (в том числе Федеральный закон “О лицензировании отдельных видов деятельности”) использует указанные категории для целей, связанных с лицензированием этих видов деятельности, а Указ Президента РФ от 9 января 1996 г. (в ред. Указа Президента РФ от 30 декабря 2000 г.) предписывает меры, направленные на упорядочение разработки, производства, реализации, приобретения в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы, а также использования СТС для НПИ не уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности физическими и юридическими лицами, т.е. за пределами осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, в ч. 3 ст. 138 УК РФ речь идет о незаконном производстве, сбыте или приобретении средств, предназначенных для НПИ, а в восполняющем законодательстве – о средствах, используемых для целей оперативно-розыскной, внешнеэкономической деятельности и т.д., т.е. применяются термины, не совпадающие по своему целевому предназначению. Поэтому Конституционному Суду РФ потребовалось исследовать весь нормативно-правовой комплекс, связанный с СТС, предназначенными для НПИ, с тем чтобы прийти к выводу о конституционности оспариваемого положения.

В то же время, по мнению автора, вопросы понимания смысла этой нормы и предвидения последствий ее нарушения остаются открытыми как для правоприменителей, так и для граждан,

которые привлекаются к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 138 Уголовного кодекса РФ.

Во-первых, ввоз, производство, и применение СТС, разработанных, приспособленных, запрограммированных для ведения скрытного наблюдения за тем или иным объектом, включая охрану собственного жилища, могут привести к негативным уголовно-правовым последствиям для самого защищаемого лица (такие последствия наступят также, к примеру, при негласном наблюдении за няней, которая некорректно обращается с вашим ребенком).

Во-вторых, неконтролируемый ввоз в нашу страну различных СТС (к примеру, ручек, брелоков и т.п. со встроенными видеокамерами) может повлечь привлечение граждан, их приобретающих (в том числе и в розничной торговле, включая интернет-магазины), к уголовной ответственности по ст. 138 УК РФ и, как следствие, переводу значительного числа наших соотечественников в разряд судимых.

Поэтому целесообразно было бы выделить ч. 3 ст. 138 УК РФ в самостоятельный состав соответствующей статьи Уголовного кодекса, дабы разединить ее с объектом уголовно-правовой охраны этой статьи (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений), а Правительству РФ принять соответствующий нормативный правовой акт аналогично тому, как это сделано в ряде государств.

К примеру, уголовная ответственность за производство, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в качестве отдельного деликта предусматривается законодательством Италии, США, Франции. Соответствующее регулирование характеризуется как вполне ясное и определенное в отношении субъективной и объективной сторон незаконных криминализированных деяний. Это обеспечивается, в частности, однозначными отсылками к иным актам, которые регулируют законный порядок производства, сбыта и приобретения СТС для НПИ и (или) устанавливают сам перечень таких средств. Например, в ст. 226-3 УК Франции установлена ответственность за “изготовление, импорт, хранение, показ, дарение, дачу в пользование или продажу” СТС для НПИ. Однако такая ответственность предусмотрена только при отсутствии разрешения уполномоченного министерства, условия предоставления которого устанавливаются декретом Государственного совета, и только в отношении СТС для НПИ, указанных в

перечне, условия внесения в который установлены вышеуказанным декретом.

Конституционный Суд РФ, опираясь на выработанные им общие подходы в отношении определенности правовой нормы, в ряде своих решений признал отдельные бланкетные нормы УК РФ (в частности, ст. 188 “Контрабанда”) неконституционными. Ранее, до принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г., в печати по поводу данной нормы высказывались противоречивые суждения.

Так, Л.Ф. Рогатых относит к числу признаков преступлений, получивших “собственное” уголовно-правовое толкование, признак “перемещение”, который наряду с другими характеризует объективную сторону контрабанды, полагая, что данная норма сконструирована как описательная, а не бланкетная, поэтому содержание не всех признаков деяния можно и нужно раскрывать так, как это дано в таможенном законодательстве. В частности, содержание такого действия, как “перемещение”, данное в уголовном законе (ст. 188 УК РФ) и в Таможенном кодексе (п. 7 ст. 11), различается: в таможенном законодательстве описывается процедура вывоза и ввоза; в уголовно-правовой норме “перемещение” включает в себя фактическое пересечение таможенной границы с нарушением норм таможенного законодательства, которые в ней перечислены²³.

По нашему мнению, эта норма безусловно является бланкетной, поскольку для ее уяснения в целях применения следует использовать положения как Таможенного кодекса РФ, так и Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”. Именно на анализе восполняющего законодательства основаны выводы Конституционного Суда РФ в уже упоминавшемся ранее Постановлении от 27 мая 2008 г., в котором указано, что, осуществляя в целях защиты экономической основы государственного суверенитета и национальных интересов в сфере оборота финансовых средств, обеспечения устойчивости рубля, проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики (ст. 4, 71 (п. “ж”), 75 (ч. 2) и 114 (п. “б” ч. 1) Конституции РФ) финансовое, валютное и таможенное регулирование, федеральный законодатель устанавливает специальный порядок и условия ввоза в Российскую Федерацию наличной иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации.

В названном Постановлении приведен анализ таможенного законодательства и законодательства о валютном регулировании, на основании которого Конституционный Суд пришел к выводу, что сам факт ввоза валюты не рассматривается в действующем законодательстве как посягательство на охраняемые законом интересы Российской Федерации в сфере экономики, т.е. как деяние, представляющее общественную опасность, равно как не считается представляющим общественную опасность и имеющим противоправный характер единовременный недекларируемый ввоз в Российскую Федерацию физическими лицами – резидентами наличной валюты в сумме, не превышающей в эквиваленте 10 000 долл. США. Противоправным, а именно: посягающим на установленный порядок перемещения валюты через таможенную границу Российской Федерации и потому влекущим применение мер государственного принуждения, признается недекларируемый ее ввоз лишь в сумме сверх нормы, разрешенной законом. При этом уголовная ответственность, в отличие от административной, установлена для случаев ввоза в Российскую Федерацию непродекларированной или недостоверно продекларированной валюты в крупном размере (ст. 188 УК РФ). Таким образом, повышенную общественную опасность, обуславливающую введение уголовной ответственности, представляет только неконтролируемое перемещение валюты в размере, существенно превышающем законодательно установленный эквивалент суммы, разрешенной к недекларируемому ввозу.

В своем итоговом решении, во многом примечательном и показательном, Конституционный Суд указал, что любое преступление и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя из текста соответствующей нормы (в случае необходимости – с помощью толкования, данного ей судами), каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм. Противоречие конституционным принципам, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, влечет за собой противоречивость правоприменительной практики, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод

²³ См.: Рогатых Л. Уголовно наказуемая контрабанда и Таможенный кодекс 2003 года // Уголовное право. 2006. № 2. С. 56.

и законных интересов граждан (Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г.²⁴ и от 27 мая 2003 г.²⁵).

Необходимость соблюдения принципа правовой определенности подчеркивает и Европейский Суд по правам человека при применении содержащихся или вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод общих принципов, лежащих в основе оценки соответствия ее положениям внутригосударственного права. Согласно позиции Европейского Суда по правам человека закон во всяком случае должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия (постановления по делу “Санди Таймс” (Sunday Times) против Соединенного Королевства (№ 1)” (п. 49) от 26 апреля 1979 г.; по делу “Йечиус (Jecius) против Литвы” (п. 56) от 31 июля 2000 г.; по делу “Барановский (Baranowski) против Польши” (п. 50–52) от 28 марта 2000 г.; по делу “Ракевич против Российской Федерации” (п. 31) от 28 октября 2003 г.; по делу “Игнатов против Российской Федерации” (п. 74) от 24 мая 2007 г.; по делу “Владимир Соловьев против Российской Федерации” (п. 86) от 24 мая 2007 г.

В рассматриваемом Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. отмечено, что нарушение принципа формальной определенности при конструировании и изложении нормы ч. 1 ст. 188 “Контрабанда” УК РФ повлекло ее неправомерное, расширительное истолкование и привело к нарушению общих принципов права, таких как справедливость, равенство и соразмерность, которым надлежит следовать при введении тех или иных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Эта норма УК РФ была признана – во взаимосвязи с примечанием к ст. 169 данного Кодекса – не соответствующей Конституции РФ, ее ст. 17 (ч. 1), 19 (ч. 1), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3) в той мере, в какой она позволяет при привлечении к уголовной ответственности за контрабанду, совершаемую путем перемещения через таможенную границу Российской Федерации недекларированной или недостоверно декларированной иностранной валюты и (или) валюты Российской Федерации в крупном, т.е. превышающем в эквиваленте 250 000 руб., размере, признавать его

таковым, исходя из всей перемещаемой суммы, включая и ту ее часть, которую закон разрешает ввозить в Российскую Федерацию без письменного декларирования.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 июля 2010 г.²⁶, основываясь на анализе восполняющего, в том числе таможенного, законодательства при рассмотрении вопроса об определении стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации, указал, что положения ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в их взаимосвязи с учетом смысла, придаваемого им сложившейся правоприменительной практикой, не обладают достаточной определенностью с точки зрения того, какой именно критерий оценки стоимости перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации товаров должен использоваться при их применении.

В соответствии с этим положения ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 КоАП РФ в их взаимосвязи признаны не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 17 (ч. 1), 19 (ч. 1), 35 (ч. 1, 2 и 3), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3) в той мере, в какой данные положения в системе действующего правового регулирования позволяют при оценке стоимости товара, перемещаемого физическим лицом через таможенную границу Российской Федерации и предназначенного для личного пользования, в целях определения наличия состава преступления (контрабанда) или административного правонарушения (недекларирование товаров), а также исчисления размера административного штрафа использовать его рыночную стоимость на территории Российской Федерации и в стоимость товара для указанных целей включать стоимость всего перемещаемого товара, в том числе и ту ее часть, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов.

В п. 2 резолютивной части указанного Постановления отмечено, что впредь до внесения федерального законодателем – исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, – необходимых изменений в действующее правовое регулирование при оценке стоимости товара, перемещаемого физическим лицом через таможенную границу Российской Федерации и предназначенного для личного пользования, в целях определения в соответствии с положениями ч. 1 ст. 188 УК РФ, ч. 1 ст. 16.2 и 1 КоАП РФ наличия

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

²⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 24. Ст. 2431.

²⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.

состава преступления или административного правонарушения, а также для исчисления размера административного штрафа должна использоваться таможенная стоимость данного товара, а не его рыночная стоимость на территории Российской Федерации. При этом в стоимость товара для указанных целей не должна включаться та часть стоимости перемещаемого товара, которая разрешена к ввозу без письменного декларирования и уплаты таможенных пошлин, налогов.

Подводя итог сказанному, отметим, что проблема оценки определенности бланкетных норм Уголовного кодекса РФ остается актуальной, вызывающей множество вопросов, не получивших единодушного разрешения как на практике, так и среди теоретиков уголовного права, а значит, нуждается в дальнейшем исследовании. Однако в настоящее время использование бланкетных норм необходимо, так как позволяет не загромождать уголовное законодательство нормами других отраслей права.

При этом важно учитывать, что придание нормативным актам, детализирующим признаки состава преступления, больших функций, чем они могут выполнять в рамках связи с уголовным правом, таит в себе опасность размывания границ отрасли уголовного права за счет других правовых отраслей, а следовательно, и угрозу для прав и свобод человека, поскольку способствует перемещению оснований уголовной репрессии в те отрасли права, в которых преобладают нормативные предписания органов исполнительной

власти²⁷. Установление же определенности/неопределенности бланкетной нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ возможно только при рассмотрении конкретного дела по запросу или жалобе, поступившим в Конституционный Суд РФ, поскольку каждая такая норма Уголовного кодекса имеет многочисленные признаки и отличия.

Оценивая бланкетную норму уголовного закона с точки зрения ее соответствия Конституции РФ, важно установить нормативную взаимосвязь между уголовно-правовой нормой и нормативными правовыми актами иной отраслевой принадлежности. Законодателю при конструировании уголовно-правового запрета, а органам исполнительной власти при принятии нормативно-правовых актов исполняющего законодательства необходимо стремиться к закреплению и использованию терминов, совпадающих по своему значению.

В связи с этим можно предложить провести ревизию терминов, употребляемых в различных отраслях права, на предмет совпадения. В случае выявления несоответствия должны быть приняты меры к их унификации, исключающей возможность применения неопределенной нормы и возникновения тех негативных последствий, которые в первую очередь отражаются на лицах при осуществлении в отношении них уголовного преследования. Такой подход призван служить целям обеспечения конституционных прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства.

²⁷ См.: Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 72, 87, 88.